

Б912

Буренин В.
Критические очерки
и памфлеты
СПб; 1884

Б4

1884

Включено

КАТАЛОГ

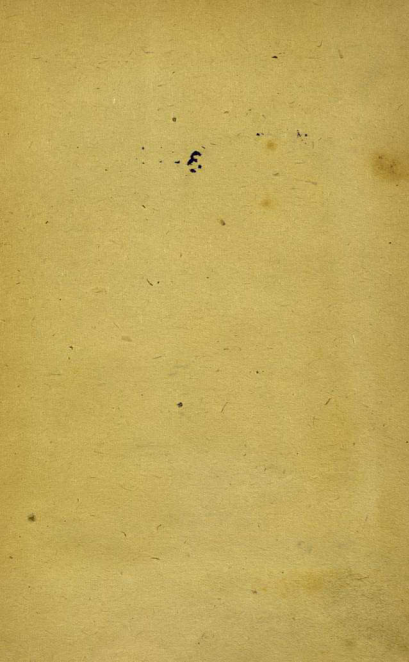
✓
1959

64

33875

и к
ак

Oh



2000

Буренин
Виктор Петрович
1841 - 1926

~~847~~
5912

891.74
—
5912



КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

И

ПАМФЛЕТЫ



В. БУРЕНИНА

N 33875.



~~95339~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1884

ЛДБ 1934 г. Проверено

Проверено 1936 г.

Июл 1939

1948

90





ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

1890 г.

I.

Въ качествѣ рецензента и просто въ качествѣ любителя «изящной словесности», мнѣ пришлось на своемъ вѣку прочитать массу романовъ и повѣстей, появляющихся въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Въ этой массѣ, разумѣется, встрѣчалось такъ много посредственныхъ и даже совсѣмъ невыносимыхъ, что, право, я имѣлъ бы полное право (простите за неумышленный каламбуръ) охладѣть къ этому неблагоприятному занятію — чтенію новыхъ беллетристическихъ произведеній, фабрикуемыхъ журнальными авторами. И, однако—сообщаю это признаніе для свѣдѣнія моихъ будущихъ біографовъ—на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе: я не только не охладѣлъ, но всегда съ нѣкоторымъ любопытствомъ принимаюсь за всякій новый плодъ отечественнаго творчества, особенно если этотъ плодъ подписанъ именемъ мало извѣстнымъ, или совсѣмъ неизвѣстнымъ,

появляющимся впервые на страницах журнала. Мнѣ все думается, что вотъ-вотъ неожиданно попаду я на необыкновенно талантливую, свѣжую вещь; мнѣ, на манеръ пушкинскаго Сальери, все кажется, что быть можетъ журналъ

Мнѣ принесетъ внезапные дары,
Быть можетъ новый Гоголь сотворить
Великое—и наслажуся имъ...

Конечно, «даровъ» не обрѣтается въ результатѣ знакомства съ новыми произведеніями, конечно, новаго Гоголя даже въ эмбриональномъ видѣ не находится. Но я, тѣмъ не менѣе, все-таки продолжаю питать надежды, все-таки съ экстреннымъ оживленіемъ продолжаю интересоваться новорожденными романами и повѣстями. Что будете дѣлать: привычка рецензентскаго ремесла.

Вотъ и въ этотъ разъ, «привычкѣ сладостной послушный», принялся я за чтеніе повѣсти «Идеалистка», напечатанной въ журналѣ «Слово». Повѣсть эта подписана именемъ, если не ошибаюсь, совершенно неизвѣстнымъ и притомъ именемъ женскимъ. Авторъ повѣсти г-жа Анна Стацевичъ. Произведенія женскаго пера у насъ, за двумя-тремя исключеніями (Крестовскій-псевдонимъ, Марко-Вовчокъ), обыкновенно отличаются книжностью, отсутствіемъ простоты и естественности и въ описаніяхъ и въ діалогахъ дѣйствующихъ лицъ. Первые страницы «Идеалистки» пріятно поразили меня именно простотою и столько же краткою, сколько удачною и

правдивою обрисовкою трехъ дѣвицъ и особенно набросанной вскользь оригинальной фигурой ихъ отца-священника. У меня уже было душа слегка заиграла отъ этихъ первыхъ страницъ. Но потомъ, какъ только выступила настоящая героиня повѣсти, играніе моей души прекратилось и я сталъ пробѣгать повѣсть съ меньшимъ любопытствомъ, но однако же прочелъ «Идеалистку», если не безъ скуки, то не безъ нѣкотораго назиданія. Для начинающаго «пера», особенно женскаго, повѣсть вообще не дурна, нѣсколько наивна, мѣстами сдѣлана неискусно и фразисто, мѣстами обнаруживаетъ талантъ. Но, что главное, написана она очевидно отъ души, искренно. Даже въ самыхъ фразистыхъ и «романическихъ» ея страницахъ — въ описаніи дѣтства и первой юности героини, напримѣръ, или въ изображеніи ея феноменальной натуры, звучитъ такое простодушіе, что становится жаль смѣяться надъ нимъ, хотя эти страницы возбуждаютъ невольную улыбку. Во всякомъ случаѣ «Идеалистка» заслуживаетъ вниманія и я считаю не лишнимъ заняться этой повѣстью.

Въ повѣсти изображаются въ нѣкоторомъ родѣ «страданія одной прекрасной души». Прекрасная душа принадлежитъ къ прекрасному полу и называется Надеждой Павловной Ракитиной. Она, разумѣется, прибыла въ Петербургъ изъ провинціи, съ юга. У «хладныхъ невскихъ береговъ» рѣдко зарождаются подобныя «прекрасныя души»: тутъ все барышни больше выходятъ и притомъ съ прак-

тическими, а отнюдь не съ идеалистическими стремленіями и порывами. Какъ подобаетъ настоящей героинѣ, прекрасная душа съ самаго ранняго возраста обнаруживала необычайную впечатлительность. Пяти лѣтъ, услышавъ чтеніе «Хижины дяди Тома», она впала въ бредъ и цѣлую ночь твердила: «мнѣ жалко!.. Ахъ, какъ мнѣ жалко» — значить уже поняла тенденцію романа. Въ двѣнадцать лѣтъ она была знакома «со всей русской литературой», прочла «Лира», «Орлеанскую дѣву», «Misérables», статьи Добролюбова и т. п. и «страстно хотѣла все знать». Въ гимназіи была «звѣздой». Въ то время, когда ея сверстницы гимназистки думали лишь о весельи и танцахъ, она сидѣла въ уголку и «анализировала свою душу», готовила себя къ «жизни труда», къ «самоотреченію», воевала съ классными дамами за декорумъ, внося въ гимназію «порывы своего безпокойнаго ума и чуткой совѣсти», и «созерцала небо». Въ этомъ созерцаніи, говоритъ авторъ, она находила невыразимое блаженство. «Какія-то чудныя скрытыя истины раскрывались передъ нею, становились понятны... Что-то великое, сильное, какъ самъ могущественный Панъ, природа-мать, охватывали ее всю своими любящими, мощными объятіями и поднимали на высоту, туда, въ тѣ лучезарныя, прозрачныя пространства невѣдомаго, но уже не чуждаго ей міра. Ничтожна и пуста казалась ей тогда вся жизнь земная съ ея суетой, съ ея преходящими радостями. И эти-то радости

окупались человѣческимъ паденіемъ, грѣхомъ, зломъ!.. Вся душа ея въ эти минуты рвалась къ добру и правдѣ. Она давала себѣ обѣты жить такъ, какъ шепчетъ совѣсть, и никогда, никогда не измѣняться!.. Потомъ молилась до тѣхъ поръ, пока не засыпала—въ слезахъ и съ улыбкой на губахъ». Послѣ этого періода анализированія собственной души въ уголкѣ и порывовъ самоотреченія въ пятнадцать лѣтъ, для героини наступилъ другой періодъ: «изъ аскета, обуреваемого скептицизмомъ и вопросами о сущности вещей и назначеніи человѣка, она превратилась въ существо, томимое желаніемъ счастья», жизнь земная начала казаться ей столь прекрасной, что она находила возможнымъ «пожертвовать для нея даже вѣчнымъ спасеніемъ въ жизни загробной». Въ этотъ періодъ m-lle Ракитина до такой степени была полна «особой чарующей граціи и поэтичности», что прохожіе оглядывались на нее на улицѣ; въ этотъ періодъ у ней головка была обрамлена «вѣнкомъ волнистыхъ, золотисто-пепельныхъ волосъ», въ этотъ періодъ «молодежь бѣгала за ней толпами», а она «влюблялась безъ конца: въ заѣзжаго пѣвца, въ бальнаго музыканта, въ портретъ Тургенева, въ его глаза—«глубокіе, какъ пропасть» (кто бы могъ подумать, что у Тургенева такіе глаза!), во всѣхъ герояхъ, страдальцевъ, борцовъ... въ одного ссыльнаго». Въ этотъ періодъ она «желала всего, не зная сама, чего именно желаетъ», она «плакала, по недѣлямъ ходила въ бреду (!), доставала Либиха, собиралась заняться

химіей, чтобы быть полезной крестьянамъ въ вопросахъ сельскаго хозяйства... Хотѣла изучать медицину», хотѣла «какой нибудь трибуны, шума, блеска, помпы, популярности», и не хотѣла мужа; въ одну зиму, безъ всякаго учителя, по Робертсону, выучилась англійскому языку такъ, что могла «Гамлета» читать въ подлинникѣ, пыталась «разгадать загадку жизни» и т. д. Періодъ этотъ былъ довольно продолжителенъ и у героини все болѣе и болѣе вырабатывалось убѣжденіе, что ей необходимо покинуть ея родину и переселиться въ Петербургъ, представлявшійся ей какимъ-то Сіономъ, въ которомъ она найдетъ все то, чего неопредѣленно жаждала. Въ Петербургѣ ей чудился «гулъ далекаго міра», «ускоренная пульсація жизни», мотивы Оффенбаха, сознательная жизнь, трудъ и наслажденіе.

II.

Пришла, наконецъ, желанная пора и феноменальная героиня переселилась въ невскій «Сіонъ». Этотъ Сіонъ сначала поразилъ ее вѣшной роскошью, блескомъ, движеніемъ. «Библіотеки (?), картины (?), площади, памятники, храмы, клубы мелькали мимо нея» (?). Но потомъ, когда она ознакомилась съ жизнью и людьми Сіона, она впала въ тоску и разочарованіе. Она пріѣхала въ Петербургъ, намѣреваясь, по вульгарному выраженію одного ея знакомаго, «обожраться жизнью,

что называется за обѣ щеки». Но оказалось, что это «обжираніе» далеко не такъ пріятно и увлекательно, какъ представлялось феноменальной героинѣ издали, оказалось, что обжираться-то приходится въ Сіонѣ по большей части такой дрянью, что отъ нея порядочно тошнить. Вотъ какъ сама героиня рассказываетъ о своихъ опытахъ «обжиранья»: «Только-что я пріѣхала, доложу я вамъ, начала я метаться по лекціямъ, да по студентамъ: думала по своей провинціальной простотѣ, что только стоитъ хотѣть учиться въ этомъ городѣ наукъ и искусствъ—и вся сія приложится вамъ. Съ мѣсяць это я все льстила себя надеждой... Ходила на Владимірскую — послушала Ореста Миллера сладчайшаго, послушала Менделѣева, Таганцева... Потомъ начала соображать: зачѣмъ это я хожу и что изъ этого выйдетъ?.. Кромѣ развлеченія отъ нечего дѣлать, выходило ровно ничего. Вѣдь еслибы еще цѣлый курсъ. А то—нѣтъ. На курсъ денегъ не было. Я стала спрашивать друзей, присматриваться... То же... Все какъ-то не по настоящему, хотя и сидятъ они съ карандашами въ рукахъ и чиркаютъ себѣ на бумажкахъ—для памяти». Встрѣтилась на курсахъ героинѣ одна изъ ея гимназическихъ подругъ; на вопросъ героини, ради чего та ходитъ на курсы? подруга отвѣтила ей: «да такъ, отъ скуки», и при этомъ объяснила, что она въ акушеркахъ, что ихъ много, онѣ живутъ вмѣстѣ. Героиня сейчасъ зажглась восторгомъ, вообразила, что она увидитъ «коммуну»

и полетѣла къ подругѣ. «Признаюсь — рассказы-
ваетъ она свои впечатлѣнія отъ коммуны — не
очень вкусно показалось мнѣ это житіе вмѣстѣ.
Нечесанныя, неодрѣтыя и, оттого, некрасивыя жен-
щины, такіе же мужчины. Очень много курятъ,
мало и скверно ѣдятъ (что жъ будешь дѣлать,
коли не на что много и хорошо ѣсть — замѣчу я
въ скобкахъ) и много говорятъ... и такъ, что я
ровно ничего у нихъ не понимала: такъ, слова
какія-то, безъ связи и все больше о происхожде-
ніи человѣка, о половомъ подборѣ, о тазѣ, да о
какихъ-то косточкахъ... каждый день объ одномъ
и томъ же!.. А главное, совсѣмъ ничего не дѣ-
лають». Позже, на примѣрѣ своей гимназической
подруги, героиня убѣдилась, что инныя изъ аку-
шерокъ, не смотря на все формальное отрицаніе
буржуазнаго строя жизни и формальное стремле-
ніе жить самостоятельной трудовой жизнью, въ
концѣ концовъ устроятся на обычный манеръ:
эта подруга, какъ только получила дипломъ, сей-
часъ же «вышла замужъ за одного изъ наименѣе
растрепанныхъ и наиболѣе красивыхъ сожителей —
ветеринара и уѣхала съ нимъ въ провинцію. Вѣн-
чались въ церкви, у настоящаго попа, только подъ
вѣнцомъ оба гримасничали. Только-что дьяконъ
пробасилъ знаменитое: «жена да повинуется мужу»
(да боится своего мужа), невеста повернулась
бочкомъ къ жениху и показала ему кончикъ
языка... А сама въ бѣломъ платьѣ, подъ вуалемъ
и все какъ слѣдуетъ. Мужъ работаетъ теперь, а

она кушаетъ, спитъ да капризничаетъ—отъ скуки, какъ прежде на лекціи ходила отъ скуки». «Посовавшись» такимъ образомъ съ своимъ ученъемъ, героиня кончила тѣмъ, что приютилась въ качествѣ переводчицы въ редакцію газеты, начала жить «своимъ трудомъ» и ознакомила съ «молодымъ поколѣніемъ», или съ «представителями молодой интеллигенціи», какъ теперь именуютъ себя эти господа. Съ этими представителями познакомилъ героиню одинъ семинаристъ. «Семинаристикъ этотъ—говоритъ она—видѣлъ во мнѣ какую-то зарю восходную, знамя ихъ поколѣнія и тому подобное разное... Вдохновленный такими предчувствіями, онъ возвѣстилъ обо мнѣ своимъ новымъ товарищамъ-юношамъ, чающимъ движенія воды... то есть, по моему, просто какихъ нибудь развлеченій, возможности гдѣ нибудь поболтать и поумствовать. И начала ходить ко мнѣ вся эта юность—и толпой и въ одиночку. Какъ я ихъ слушала сначала! Въ каждомъ изъ этихъ юношей я видѣла, конечно, того человѣка, о которомъ мы грезимъ чуть ли не съ третьяго класса гимназій». Однако все эти «человѣки» дѣвическихъ грезъ въ дѣйствительности очень «скоро надоѣли со всеми своими спорами, доказательствами и поученіями. Медикъ одинъ, напримѣръ, постоянно просвѣщалъ меня относительно «ненормальности» моей жизни: порицалъ за любовь къ духамъ (онъ понималъ одинъ ароматъ препаратовочной: такъ увѣрялъ онъ, по крайней мѣрѣ), къ крѣпкому

чаю, за всѣ мои волненія, стремленія и пр. Все было ненормально, не здорово. Является другой—техникъ—порицаетъ за чистые воротнички и ленточку на шеѣ: аристократизмъ, «кисейная барышня», по Писареву! «Общественный нуль — и никакой идеи!» — «Отчего вы не поступаете въ акушерки?» — Господа! говорю, да я совсѣмъ не хочу въ акушерки! Что же все акушерки да акушерки». Разумѣется, подобные возрѣнія и совѣты раздражали молодую дѣвушку. Она возражала, что не специалисткой жаждетъ быть, а просто человекомъ и, если можно, образованнымъ человекомъ. Ей на это говорили: «Къ чорту ваша образованность! Не до того! Народъ страдаетъ. Приближается время, когда всѣ будутъ свободны, равны и никто не превосходитъ!» и все это, замѣтьте, тономъ невыносимо-отвратительнаго авторитета». Хуже всѣхъ изъ этихъ представителей молодой интеллигенціи оказывались юристы: эти ни о чемъ, кромѣ практическихъ вопросовъ вниманія и комфорта и толковать не желали. Толкнулась несчастная «идеалистка» и къ литераторамъ и тутъ обрѣла мало утѣшительнаго. Одинъ изъ литераторовъ (герой повѣсти, нарисованный авторомъ недурно и довольно правдиво), оказался хорошимъ «пьющимъ» человекомъ, другой, изъ поэтовъ, пустымъ и сквернымъ «пьющимъ» человекомъ. Вообще, по части литературныхъ знакомствъ героинѣ не повезло: она попадала все къ какимъ-то и холостымъ и семейнымъ литерато-

рамъ кутящимъ, гуляющимъ по клубамъ, устраивающимъ пикники и притомъ пикники самые невѣроятныя. Вотъ какъ она изображаетъ одинъ изъ такихъ пикниковъ: «Всѣ въ эту ночь были какіе-то неистовые: воздухъ, да вино, должно быть подѣйствовали. У каждого мужчины была своя дама — и непременно не жена: *conditio sine qua non* (!) Танцы были тоже какіе-то импровизированные. Въ одномъ углу пляшутъ и распѣваютъ *sarmagnole* (Господи! какіе ужасы!); въ другомъ самые сливки интеллигенціи, сѣдобородые мужи, должно быть, вспомнивъ Парижъ и бульварныя сцены сорокъ восьмого года, въ шляпахъ, съ сигарами въ зубахъ, топчутъ ногами и распѣваютъ марсельезу... Здѣсь въ бѣшеннѣйшей мазуркѣ несутся влюбленные пары... Тамъ какой-то нескладный галопъ почтеннаго критика въ юбкѣ подъ ручку съ мизернымъ лысымъ педагогомъ». Просто шабашъ какой-то, какъ подумаешь. Я не знаю, гдѣ такіе ужасные, неистовые литературные пикники видѣла «идеалистка» и ея авторъ, откуда она получила такое понятіе о петербургскихъ литераторахъ, что будто бы они любятъ шлѣться по клубамъ и устраивать танцевальныя вечера непременно съ незаконными дамами сердца. Сколько мнѣ извѣстно — а я немножко знакомъ съ бытомъ, нравами и нѣкоторыми представителями петербургской литературы — большинство нашихъ литераторовъ-журналистовъ прескромные люди, обыкновенно сидящіе въ своихъ кабинетахъ; ихъ «об-

щество» почти всегда составляют немногочисленные кружки тѣхъ редакцій, гдѣ они работают, или какіе-нибудь знакомые изъ порядочныхъ людей адвокатуры, администраціи. Если иной литераторъ заглядываетъ иногда въ клубы, то развѣ затѣмъ только, чтобы взглянуть на какую-нибудь дебютирующую на клубной сценѣ провинціальную знаменитость, да и тутъ почти всегда зѣваетъ и бранится, что онъ принужденъ былъ покинуть свой кабинетъ и явиться въ «публичный кабакъ» — такъ обыкновенно именуютъ петербургскія увеселительныя мѣста наши домосѣдные литераторы. Что касается ужасныхъ и неистовыхъ баловъ и пикниковъ литературныхъ, то о нихъ не слыхать что-то. Помнится, въ разгаръ хищныхъ и безпутныхъ стремленій русскаго прогресса, завелись-было какіе-то литературные балики, на которыхъ, говорятъ, увлекались бурными танцами даже литературные философы; но эти балики очень скоро прекратились, какъ не соответствующіе домосѣднымъ и, по истинѣ сказать, нѣсколько угрюмымъ нравамъ нашей литературной среды... Правда, есть между столичными литераторами нѣсколько мелкихъ забулдыгъ, которые иногда пьяными публичными выходками позорятъ себя съ изумительнымъ усердіемъ; да вѣдь какая же общественная среда не выдѣляетъ изъ себя подобнаго рода безшабашныхъ господъ? Выставлять ихъ исключительную наклонность къ развеселости и пустой

жизни общими свойствами литературной братии по меньшей мѣрѣ наивно...

Я, однако, отвлекся отъ изложенія «Идеалистики» и спѣшу возвратиться къ ней. Идеалистка, закружившись въ литературной средѣ, сообразила, что для игранія роли ей необходимо «увлечься и увлечь». И она принялась приводить въ исполненіе эту фантазію. Но опыты увлеченія оказались неудачными: объекты увлеченій попались несоотвѣтствующіе пламеннымъ требованіямъ идеалистки и она, не испытавъ даже и начала увлеченія, поспѣшила ретироваться отъ разныхъ господъ, подвертывавшихся ей подъ руку. Наиболѣе продолжительныя платоническія, конечно, отношенія завязались у ней съ хорошимъ пьющимъ литераторомъ; но къ нему она не могла питать ничего, кромѣ дружескаго участія. Притомъ и хорошій пьющій литераторъ казался ей иногда лишь мелкимъ собирателемъ копѣекъ за строчки, точно такъ же, какъ и она сама. Наконецъ и хорошій пьющій литераторъ уѣхалъ въ деревню и она осталась одна съ своими неопредѣленными стремленіями и порывами, съ невыносимой тоской о собственномъ безсиліи и неумолимой жаждой жизни, дѣятельности, любви; жаждой, которая подъ вліяніемъ весеннихъ лучей солнца, разумѣется, возбуждалась въ квадратѣ. Попробовала она было экономическія науки изучить—и это не помогло. Въ концѣ концовъ вотъ какими чувствитель-

ными тирадами раздражается идеалистка въ своемъ дневникѣ:

«Семья! младенчество! вѣра! Счастливое время, мнѣ жаль тебя! Взамѣнъ у меня нѣтъ никого и ничего... Нѣтъ, я жалкая. Я ничего, да—ничего не сдѣлаю. Эта борьба между желаньемъ, стремленьемъ и дѣломъ будетъ до смерти. Она истощить, но плода не принесетъ». «Типы все (ужь будто бы все?) понимающіе и ничего не могущіе!» Жалкая натура, скудная воля! Христось! Ты, свѣтлый дѣятель, говорившій правду и жившій въ правдѣ, воскресни Ты въ моемъ сердцѣ, великій!... Я такъ страдаю отъ этой мертвой вѣры въ добро и въ истину! Такъ тяжело мнѣ безъ дѣла! Воскресни, Христось, и дай мнѣ лучшія силы». Она говоритъ далѣе, что отличается отъ окружающихъ ее новыхъ людей тѣмъ, что они всѣ родились съ «готовыми взглядами», что они рабы «современныхъ новшествъ», а она не хочетъ быть рабою, не хочетъ «забывать жизнь всего человѣчества и не замѣчать собственной жизни»; она желаетъ «носить ее въ себѣ со всѣмъ ея прошлымъ, настоящимъ и будущимъ»; она мечтаетъ о «жизни истинно человѣческой, жизни великихъ, жизни свободныхъ, дѣятельныхъ, страстныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ людей». Но ее одолеваетъ сомнѣніе въ томъ, что для нея возможно найти такую жизнь: «гдѣ силы, гдѣ искусство, гдѣ умѣнье?» — въ отчаяніи восклицаетъ она—«ничтожные и жало-

сти достойные Прометей! Я теперь плачу о невозможномъ. О нашемъ безсиліи... Наши жизненные силы—на что онѣ уходить?!... Всю жизнь мы гонимся за истиной и эта истина отравляетъ все наше существованіе. Потому что ея нѣтъ въ насъ самихъ. Она уничтожаетъ и мертвитъ въ насъ все, до чего ни коснется... все, за что бы мы хотѣли ухватиться... Потому что все, что окружаетъ насъ, что насъ покоитъ и тѣшитъ, все наше счастье и самоуслажденіе—все это ложь, все это зло. Мы не люди. Мы оттого и не народъ».

III.

Надняхъ, по излюбленной литераторской привычкѣ, «охотясь» за книгами у букинистовъ, я обратилъ вниманіе на крохотную брошюрку въ розовой обложкѣ съ изображеніемъ какой-то дѣвицы въ очкахъ, съ стриженными волосами, въ венгеркѣ, въ панталонахъ на выпускъ и русскихъ сапогахъ. Надъ головой такъ странно одѣтой дѣвицы краткая, но выразительная надпись: «Нигилистка». Я заинтересовался брошюркой, приобрѣлъ ее за пять копѣекъ, и пробѣжалъ на досугѣ. Брошюрка оказалась поэтическимъ плодомъ неизвѣстнаго автора, порожденнымъ и изданнымъ пять лѣтъ назадъ. Плодъ не великъ: всего двадцать шесть куплетовъ, но четыре строки

каждый. Въ этихъ куплетахъ разсказывается назидательная исторія «нигилистки».

Что ты мрачно сидишь на постели,
Распахнувъ свою бѣлую грудь?
Знать видѣнья тебя одолѣли,
Или трудень твой избранный путь?

такъ начинается авторъ, обращаясь къ нигилисткѣ. Ты, говоритъ онъ далѣе, «что-то ждешь все съ тревожнымъ рыданьемъ», но ничего не дождешься и «будешь одна». Давно ли ты «съ жаромъ болтала, что свобода и страсть твой законъ и на все ты цинизмомъ метала и не слышала матери стонъ». Ты осуждала законы и бракъ:

Одолѣлъ тебя искусъ лукавый,
Одолѣлъ тебя лютый прогрессъ.

Была ты красива, съ косою «словно соболь», а теперь «совсѣмъ извелась», «косу роскошь завѣтную» обрѣзала,

И очки ты приставила къ носу,
Какъ мартышка Крылова точь-въ-точь.

Затѣмъ, ты одѣлась «словно кучеръ — кутила лихой», усвоила себѣ ни съ чѣмъ не сообразныя манеры, «растлѣвая стыдливость подругъ» и не обращаая вниманія на «испугъ близкихъ».

Ты о швейныхъ читала мотивы,
Женскій трудъ тебя занялъ къ тому жъ.
Для тебя на все нуженъ былъ милый
Твой гражданскій, фиктивный твой мужъ.

Ты «вихремъ полетѣла впередъ», обезумѣвъ
«отъ мрака сладострастныхъ и бѣшеныхъ думъ».

И идеи священнаго брака
Не позналъ твой испорченный умъ.

И вотъ, въ концѣ концовъ, «дѣва-краса», ты
погибла: для родныхъ ты забыта, матери домъ
тебѣ чужой, да и милый твой покинулъ тебя:

Что дѣлать,
Не сошелся характеромъ онъ.
Чтобы вновь нигилизмъ проповѣдать
Онъ разстаться съ тобой принужденъ.

Ты осталась одна, больная, безъ средствъ и
льешь «слезы горькія жгучимъ потокомъ», ты
въ этомъ сама виновата: ты сама «цинично на
пагубу шла»,

Твоя воля опасное жало
Распустила до крайнихъ заботъ.

Ну, однако, не плачь, назидаетъ въ заключе-
ніе авторъ несчастную нигилистку:

Раскайся какъ должно,
Успокойся и—съ долей смирись:
Утѣшеніе найти еще можно
Только въ честномъ трудѣ, и—молись!

Такова печальная исторія «нигилистки», изо-
браженная неизвѣстнымъ рыночнымъ поэтомъ въ
нѣсколькихъ плохихъ куплетахъ. Рыночный поэтъ,
сочинившій и издавшій эту исторію вѣроятно для
того, что ему, по его выраженію, «нечего ку-

95330
N 33875

шать», конечно не могъ предвидѣть, что ровно черезъ пять лѣтъ все то, что онъ кратко изобразилъ въ стихахъ, г-жа Анна Стацевичъ пространно расскажетъ на десяти печатныхъ листахъ, переименовавъ «Нигилистку» въ Идеалистку. Да, бѣдный рыночный поэтъ не предвидѣлъ этого, а между тѣмъ это случилось: вторая половина «Идеалистки» представляетъ не что иное, какъ прозаическое развитіе баллады неизвѣстнаго рыночнаго поэта. Героиня повѣсти г-жи Стацевичъ, «прекрасная душа» m-lle Ракитина, истерзавшись «въ ожиданьяхъ чего-то съ тревожнымъ рыданьемъ», усиленная «лютымъ прогрессомъ», хотя и не остригла косы и не надѣла очковъ, но тѣмъ не менѣе сопряглась гражданскимъ бракомъ съ достойнымъ себя героемъ, герой не сошелся съ ней характеромъ и покинулъ ее, «чтобы вновь нигилизмъ проповѣдать», да притомъ еще покинулъ не одну, а съ зачатымъ ребенкомъ. Покинутая, она было «извелась совсѣмъ», затѣмъ нашла утѣшеніе въ честномъ трудѣ наборщицы, а потомъ все-таки умерла. Вотъ фабула повѣсти. Читатели согласятся, что я правъ, утверждая, что исторія «идеалистки» г-жи Стацевичъ совершенно тождественна съ исторіей «нигилистки» неизвѣстнаго рыночнаго поэта и представляетъ не больше, какъ только пространное прозаическое развитіе темы его стихотворенія, обработанное сообразно съ современною обстановкою.

Я выше замѣтилъ, что исторія о страданіяхъ

прекрасной души отчасти наивна, но тѣмъ не менѣе она любопытна. Это одна изъ «обыкновенныхъ исторій» самой послѣдней формаци и обработай эту исторію какой-нибудь сильный современный художникъ, онъ создалъ бы вещь, которая могла бы «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой». Но и въ слабой, простодушной обработкѣ автора «Идеалистки» эта «обыкновенная исторія» производитъ извѣстное впечатлѣніе и далеко не лишена интереса. Читая повѣсть, невольно приходишь къ невеселой мысли о томъ, какъ много въ настоящее время подобныхъ прекрасныхъ душъ терзается подобными «роковыми» страданіями, портитъ свою жизнь и жизнь своихъ близкихъ, какъ много надрывается и гибнетъ совершенно задаромъ молодыхъ силъ. Народится такая прекрасная душа въ провинціи отъ бѣдныхъ но благородныхъ родителей, напитается она съ самаго ранняго дѣтства всякой романической и популярно-публицистической возбу дающей пищей, не переварить эту пищу какъ слѣдуетъ, и вотъ зароятся въ ней тѣ мечтательныя тревоги и стремленія, которыя совершенно сбиваютъ съ толку молодую мысль и молодое чувство, представляя имъ и самую жизнь и ея цѣль въ фантастическомъ свѣтѣ. У прекрасной души, разумѣется, нравственныхъ и умственныхъ силъ въ запасѣ имѣется ровно на столько, чтобы кой-какъ прожить обычную, будничную жизнь съ ея мелкой борьбой, мелкими и обычными страстями, радо-

стями, страданіями. А между тѣмъ прекрасная душа въ грезахъ воображаетъ, что въ ней кипятъ необъятныя силы, что она призвана на великую борьбу и великіе подвиги. Съ кѣмъ и съ чѣмъ нужно ей вести великую борьбу, какого рода подвиги совершать, на какомъ поприщѣ фигурировать — во всемъ этомъ прекрасная душа не даетъ себѣ никакого яснаго отчета и только все порывается, все порывается куда-то туда... туда... гдѣ все это, по ея мечтательному представленію, она найдетъ непременно готовымъ, гдѣ во все это она окунется съ головой. Прекрасная душа, конечно, никакъ не можетъ сообразить, что тотъ, кто призванъ на борьбу и на подвиги, тотъ найдетъ ихъ, какъ говорится, у себя подъ рукою, тому вовсе незачѣмъ стремиться непременно въ невѣдомую даль, гдѣ будто бы специально приуготовлены для нея эти подвиги и эта борьба. Нѣтъ, прекрасная душа именно ищетъ этой невѣдомой дали, обѣтованной земли борьбы и подвиговъ, стремится, рвется къ ней, плачетъ о ней и томится, воображая именно тамъ начать настоящую жизнь съ настоящими людьми, то есть съ «героями», съ «дѣятелями». Для провинціальной прекрасной души подобной обѣтованной землей представляется обыкновенно далекій Петербургъ. Тамъ, въ этомъ Петербургѣ, гдѣ пишутся такіа чудесныя популярно-публицистическія статейки «съ идеями», гдѣ процвѣтають «новыя» стремленія и «новые» люди, гдѣ «молодая интеллигенція» яв-

ляется драгоценнымъ и таинственнымъ ковчегомъ, въ которомъ хранится великая тайна преобразованія ненормального и прискорбнаго строя жизни въ строй нормальный и развеселый, — тамъ найдеть она все, чего желаетъ, тамъ ей откроется секретъ настоящаго вполне человѣческаго существованія, тамъ въ двадцать четыре часа новые люди просвѣтятъ ее насчетъ современныхъ наукъ, обучать ее совершенію подвиговъ, укажутъ ей великія цѣли жизни и предупредительно поведутъ ее къ этимъ великимъ цѣлямъ. Полная такого фантастическаго представленія о невскомъ «Сіонѣ», прекрасная душа покидаетъ провинцію, прилетаетъ въ «Сіонъ», начинаетъ метаться туда-сюда, какъ угорѣлая, и вмѣсто своихъ отрадныхъ и блестящихъ фантазій находитъ дѣйствительность столь же мизерную, сколько холодную и сухую. Прогрессивный «Сіонъ», блестящій Петербургъ... Можетъ быть нѣтъ города въ цѣломъ мірѣ болѣе пошлаго и холоднаго, болѣе сухого и черстваго, болѣе способнаго убивать всякія радужныя иллюзіи. И небо и природа и люди въ Петербургѣ отличаются скудостью свѣта и тепла, тоскливо-угнетающимъ видомъ. На всѣхъ общественныхъ сферахъ невскаго «Сіона», не исключая даже и сферы «молодой интеллигенціи», лежитъ мрачная печать приниженности, подавленности нравственнаго чувства во имя чисто практическихъ мотивовъ, страшной узости формализма всякаго рода — будетъ ли то формализмъ чиновничій, научный,

литературный, революціонный. Одна борьба, но вовсе не идеальная, не мечтательная, не возвышающая душу, а напротивъ, борьба самая реальная, самая убійственная царить въ этомъ громадномъ «Сіонѣ», — борьба за будничное существованіе, борьба карьеры, мелкихъ честолюбій и самолюбій. Этой печальной и часто возмутительной борьбой поглощается почти вся жизнь борящихся группъ и личностей и за невозможностью отдыха отъ нея—ибо отдыхъ можетъ стать гибелью—тутъ нѣтъ ни времени, ни мѣста болѣе широкимъ и идеальнымъ стремленіямъ и усиліямъ. Понятное дѣло, какое впечатлѣніе на прекрасную душу долженъ произвести невскій «Сіонъ» со всѣми его прелестями, когда она маломальски приглядится къ нимъ поближе: впечатлѣніе это будетъ въ родѣ того, какъ если бы прекрасную душу окунули въ январѣ въ прорубь. Иная прекрасная душа, быть можетъ, вынесетъ эту освѣжающую ванну и можетъ быть даже укрѣпится отъ этого духомъ и разомъ закалится уже не для фантастической, а для настоящей жизни и дѣятельности. Но такіе случаи въ нѣкоторомъ родѣ чудо, они, конечно, очень рѣдки. Большая часть прекрасныхъ душъ получаетъ отъ этой ванны нѣчто въ родѣ нравственной перемещающейся лихорадки, которая иногда остается на весь вѣкъ, а иногда проходитъ, но проходитъ уже такъ поздно, въ такіе годы, когда существованіе человѣка теряетъ всю прелесть своей свѣ-

жасти и силы... Да, повторю еще разъ: это самая «обыкновенная исторія» нашихъ дней и горько думать, что теперь въ этой «обыкновенной исторіи» фигурируетъ женскихъ личностей пожалуй еще больше, чѣмъ мужскихъ.

IV.

Что касается до тенденціознаго значенія «Идеалистки», то, выясненная окончательно, ея тенденція, по моему, оказывается совершенно фальшивой и отнюдь не вытекающей изъ характера главного дѣйствующаго лица повѣсти. Авторъ съ величайшими усиліями и съ фразистою притязательностью стремится поставить свою «Идеалистку» на пьедесталь положительной героини и, подобно рыночному поэту, выставляетъ ея погибель слѣдствіемъ того, что идеалистку одолѣлъ «лютый прогрессъ» въ образѣ разныхъ современныхъ его представителей изъ среды литературской и среды «молодой интеллигенціи». Эти представители, къ которымъ бросилась «прекрасная душа», обуреваемая пламенною жаждой прогрессивной дѣятельности и любви — всѣ оказываются мелкими и даже подлыми эгоистами и шарлатанами, жалкими натурашками, способными лишь на мелочныя и пакостныя страстишки и дѣлишки, непонимающими ея пламенныхъ и широкихъ идеалистическихъ порывовъ къ великой судьбѣ и неутолимой романической страсти. Душа

и жизнь героини разбивается отъ угнетающихъ впечатлѣній мелочности и обмана окружающей дѣйствительности, разочарованіе въ которой поселяетъ въ ней роковое сомнѣніе въ прогрессивныхъ идеяхъ, надеждахъ и мечтаніяхъ. Такъ поставленъ авторомъ замыселъ повѣсти и сообразно съ такимъ замысломъ авторъ чрезвычайно усердствуетъ въ разрисовкѣ главнаго дѣйствующаго лица радужными красками, и остальныхъ персонажей красками грязными и мрачными.

Но именно въ этомъ-то, какъ мнѣ кажется, и заключается главная ошибка автора, придающая тенденціи его произведенія сомнительный и лживый характеръ. Дѣло въ томъ, что «Идеалистка» m-ле Ракитина по своей натурѣ вовсе не положительное, не героическое лицо, а напротивъ комическое, хотя при этомъ и глубоко жалкое, такъ какъ комизмъ не всегда возбуждаетъ только одинъ смѣхъ, но иногда и сожалѣніе. Прежде всего, эта идеалистка, не смотря на всѣ ея громкія фразы и книжные вопли, является очень наивною и исполненною глупѣйшаго самомнѣнія о возвышенности своей натуры. Ея коренное несчастіе заключается не въ томъ, что ея натура слишкомъ глубока и честна, слишкомъ человѣчна для поверхностной и испорченной среды, въ которую ее бросили ея идеалистическія стремленія, а въ томъ именно, что она сама слишкомъ поверхностна и эгоистична, что она схватила одни только верхи и фразы прогрессивныхъ идей, а

не ихъ сущность, что она увлекается только фантазіями, ищетъ въ жизни одну красивую, блестящую и трескучую внѣшность и способна увлекаться преимущественно красивою ложью, отворачиваясь отъ скромной и тусклой правды жизни. Она воображаетъ въ своей наивной ограниченности, что прекрасныя институтскія души средняго калибра, подобныя ея душѣ, призваны на великіе исключительные подвиги; она воображаетъ въ своемъ курьезномъ эгоизмѣ, что жизнь обязана фабриковать спеціально для удовлетворенія идеалистическихъ чувствъ и стремленій m-lle Ракитиной необыкновенныхъ героевъ съ необыкновенными страстями и силами. Въ заблужденіи своей наивностью и своимъ курьезнымъ эгоизмомъ, она бросается на всякую пустую мишуру, которая, по ея понятіямъ, можетъ придать красоту и блескъ ея существованію. Она карабкается на героическій пьедесталь, не разумѣя того, что настоящіе герои именно тѣмъ и отличаются, что сами не сознаютъ своего героизма, ни на какіе пьедесталы не лѣзутъ, никакихъ необъятныхъ наслажденій подвигами или страстями не жаждутъ, никакими фразами и ходульными «красотами» не отличаются, а дѣлаютъ свое дѣло просто, идутъ избраннымъ путемъ скромно, предоставляя устраивать трескъ, блескъ, помпу окружающей толпѣ и не только не увлекаясь этимъ блескомъ и трескомъ, но даже презирая его.

Прекрасныя души, подобныя «Идеалисткѣ» г-жи

Стацевичъ, по свойству своей поверхностной, ограниченной и легкомысленной натуры, никогда не могутъ понять той простой истины, что къ счастію жизни, къ наслажденію страсти и чувства, къ усвоенію знанія, къ служенію «гражданскимъ» идеямъ, къ подвигамъ самоотверженія и человѣчной любви — однимъ словомъ, къ тому, что наполняетъ душу удовлетвореніемъ красоты и добра — ко всему этому ведутъ самые простые, обыкновенные пути. Прекрасныя души думаютъ совершенно наоборотъ: онѣ предполагаютъ, что только необыкновенными путями и можно дойти до высокихъ цѣлей, настоящаго счастія, настоящихъ наслажденій и т. п. Положимъ, прекрасная душа увлекается жаждой научнаго развитія и жаждой дѣятельности, не только для себя лично, но и на общую пользу. Обыкновенный путь для научнаго развитія — упорный, долгій, постепенный трудъ, начинаемый съ усвоенія школьных учебниковъ. Обыкновенный начальный путь дѣятельности на пользу общую — посильная помощь близкимъ, окружающимъ людямъ, посильное облегченіе близкихъ людей (напримѣръ родныхъ) отъ ихъ трудовъ и пожертвованій для прекрасной души. Но прекраснымъ душамъ, по ихъ поверхностной и мишурной натурѣ, такіе обыкновенные пути кажутся мизерными и ничтожными. Чтобы усвоить себѣ научное развитіе и знаніе, необходимо совершить нѣчто экстренное: нужно бросить семью, нужно летѣть въ